УДК [94(47).081:070]:94(410)"185/186"

БОРИСКИН В.В.

Общественно-политический опыт Великобритании в оценках М.Н. Каткова и «Русского вестника» (рубеж 50–60-х гг. XIX века)

Данная статья посвящена особенностям восприятия общественно-политического опыта Великобритании М.Н. Катковым и публицистами журнала «Русский вестник» на рубеже 50–60-х гг. XIX века. Предпринимается попытка осветить малоизученный аспект либерального течения общественно-политической мысли России этого периода.

Ключевые слова: общественно-политический опыт Великобритании, общественно-политическая мысль России, либерализм, М.Н. Катков, «Русский вестник».

50–60-е гг. XIX века оставили заметный след в общественно-политической истории как Великобритании, так и России. Для первой эти годы ознаменовались демократическими реформами в сфере избирательного права, организационным оформлением консервативной и либеральной партий, деятельностью величайших политиков своего времени – Г.Д.Т. Пальмерстона, Б. Дизраэли, У. Гладстона, Дж. Брайта. В России в этот же период осуществлялись попытки умеренно-либерального реформирования, предпринятые императором Александром II и блестящей плеядой его сподвижников – С.С. Ланским, Н.А. и Д.А. Милютиными, С.И. Зарудным, М.Х. Рейтерном, В.А. Татариновым, А.В. Головниным. Помимо этого в обеих странах наблюдался небывалый общественный подъем. Реформистское, феминистское, рабочее, ирландское, диссидентское движения активно проявляли себя в рассматриваемые годы в Англии. В России вступали в свою новую фазу идейные споры западников и славянофилов, стремительно зарождалось радикально-демократическое движение. Синхронность основных тенденций общественно-политического развития двух государств представляется таковой лишь на первый, поверхностный взгляд. В Великобритании вопросы реформирования последовательно решались на стабильной конституционной основе, в рамках богатой демократическими традициями политико-правовой культуры, формировавшейся веками. В Российской империи проблемы модернизации обострялись общей культурной и социально-экономической отсталостью страны, отсутствием демократических институтов, неразвитостью общественного правосознания. Соответственно процессы реформирования приобретали на российской почве противоречивую, а порой и трагическую окраску. Отсюда – постоянные споры о путях и методах преобразований, настойчивые поиски и нередко идеализация зарубежного опыта, незавершенность основных реформ.

Следует отметить, что политический строй Великобритании импонировал прогрессивно настроенным кругам российского общества на протяжении всего XIX столетия. Они приветствовали конституционализм и парламентаризм, гарантировавшие открытую борьбу партий и мнений, местное самоуправление, свободу собраний, слова, печати, совести,

гласное и состязательное судопроизводство, неприкосновенность личности и собственности, свободу предпринимательской деятельности. Многие черты британской общественно-политической системы легли в основу проектов реформ М.М. Сперанского, программных документов декабристов и петрашевцев, научно-публицистических работ либералов-западников. Особенно показателен в этом смысле рубеж 50–60-х гг. XIX века. Можно утверждать, что именно на это время приходится ближайшее знакомство русских с английскими общественными и политическими порядками. Здесь немаловажным фактором явилась специфика взаимоотношений двух государств в рассматриваемый период. Великобритания выступала основным торговым партнером и кредитором императорской России. В середине XIX века доля Англии составляла около одной трети импорта и до половины экспорта России, а английский капитал участвовал в семи внешних займах из десяти, заключенных царским правительством в 1840–1860-е гг. На Лондонской фондовой бирже проводились валютные операции российского Министерства финансов. Одновременно Великобритания считалась главным внешнеполитическим соперником Российской империи: рассматриваемые годы ознаменовались военными столкновениями в Крымской (Восточной) войне и последующим обострением противоречий двух стран на Балканах, в Афганистане, Персии и Средней Азии. Все эти события значительно активизировали интерес россиян к своему главному партнеру и конкуренту. Помимо отмеченных причин, на наш взгляд, определяющую роль сыграли особенности внутриполитического положения как Британии, так и России. В это время Англия достигла вершин в своем развитии, заняв лидирующие позиции в экономике и политике. Она демонстрировала наиболее высокие показатели в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, практиковала прогрессивные формы политических и общественных институтов, проявляла успехи в науке и технике. В России же в условиях общественного подъема, когда проблемы реформирования выдвигались на передний план, а поиск, изучение и пропаганда позитивных западных примеров становились одной из приоритетных задач лидеров передовой научной и публицистической мысли, английские успехи являлись дополнительным стимулом пристального внимания россиян к специфике развития этой страны. На рубеже 50–60-х гг. «практика британского парламентаризма, историческая укорененность британского правопорядка, где сама реформа стала традицией, начинают оказывать особенно сильное влияние на состояние умов, становятся существенным компонентом нового умственного склада жизни» России[1]. Приблизительно в это же время английские учреждения стали объектом изучения на юридических факультетах ведущих российских университетов: создаются специализированные кафедры, разрабатываются лекционные курсы по государственному праву Великобритании, появляются первые специалисты в этой области (Ф.М. Дмитриев, Д.И. Каченовский, Б.И. Утин, Б.Н. Чичерин).

На рубеже 1850–1860-х гг. ревностным сторонником британских институтов был редактор, публицист, один из основоположников русской политической журналистики Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Бывший преподаватель Московского университета, известный «в узких кругах» литературный критик, к рассматриваемому времени Катков успешно зарекомендовал себя на редакторских должностях: сначала – в университетской газете «Московские ведомости» (с 1851 г.), а затем в литературном и общественно-политическом журнале «Русский вестник» (с 1856 г.). В последнем он также выступал издателем. При нем «Русский вестник» становится одним из влиятельных печатных органов российского западнического либерализма рубежа 50–60-х гг. В эти же годы наблюдается активизация общественно-политической позиции Каткова. Литератор Е.М. Феоктистов отмечал в своих воспоминаниях, что в конце 1850-х гг. Катков, «сознавая настоятельную необходимость широких реформ, задался мыслью влиять на общественное мнение

или, вернее, создать его в таком смысле, чтобы оно могло действовать на правительство»[1]. В этом плане английским общественно-политическим традициям отводилась роль стимулирующего фактора – позитивного примера, образца для подражания. В одном из номеров «Русского вестника» за 1861 г. Катков восторженно писал о Великобритании: «Ни одна страна Европы не представляет более обширного и любопытного поприща для наблюдений и размышлений. Здесь вы видите самую высокую степень развития цивилизации, общественный и политический быт, вызывающий всеобщее сочувствие и уважение, неисчислимое богатство капиталов, самые поразительные создания человеческой деятельности, наконец, удивительное своеобразие общественной и домашней жизни, резко отличающееся от характера прочих стран Европы. Здесь всякая мысль, всякое стремление, всякое знание находит себе осуществление и применение, и самые трудные задачи, не находящие себе разрешения на материке Европы, решаются здесь практически с удивительным искусством и уменьем»[2]. В «Современной летописи», политическом приложении к журналу «Русский вестник», он уже более четко и конкретно сформулировал свою позицию: «Англия научилась искусству делать реформы без революций, и мы, кажется, ничего не потеряем, если будем соревновать им в этом отношении»[3]. Преимущества британского государственного устройства стали одной из ведущих тем «Современной летописи» и «Русского вестника» в рассматриваемые годы, а сами издания не раз призывали российских читателей активно «внимать» примерам Великобритании.

К 50–60-м гг. XIX века в Англии прочно утвердились значительно развитые демократические свободы, важнейшими из которых являлись неприкосновенность личности и собственности, свобода передвижения и занятий, свобода слова, печати, совести. Ни в одной стране мира не было в то время такой свободы публичных собраний и митингов, как в Великобритании. Легально существовали различные общественные и профессиональные организации. В течение всего XIX столетия Англия служила пристанищем для политических эмигрантов. В эмигрантской среде она имела общепризнанный статус надежного «государства-убежища». Здесь продолжительное время жили и работали К. Маркс и Ф. Энгельс, А.И. Герцен и Н.П. Огарев, О. Бланки и Л. Блан, Д. Мадзини и Л. Кошут и многие другие.

В России в условиях авторитарного режима английские права и свободы вызывали искреннее сочувствие прогрессивно настроенных кругов общественности, заинтересованных в утверждении подобных правовых институтов на территории своей страны. Наиболее ярких приверженцев они нашли в лице публицистов и редактора «Русского вестника». Журнал, уделяя внимание различным сторонам общественной и государственной жизни Великобритании, неизменно ставил в ее основу «уважение свободы лиц». Неоднократной похвалы на страницах издания были удостоены неприкосновенность личности, собственности, свобода слова, печати, собраний[4]. При этом важным механизмом, позволявшим англичанам сохранять и эффективно использовать свои права, публицисты журнала считали развитое общественное мнение. Так, сотрудник «Русского вестника» Г. Каменский тесно увязывал широкие права английского народа с активным проявлением общественного мнения в стране. «В Англии права добыты народом, а не даны ему ради одного приличия, – писал он. – Народ сознавал эти права гораздо прежде, нежели получал их; издавна приучился их формулировать, положительно называя свои желания. Он понимал ясно, чего он хотел, чего он добивался. Он прямо и определенно высказывал, чего он хотел»[5]. «Теперь только в Англии общественное мнение пользуется полною свободой и составляет действительную силу», – утверждал его коллега по журналу[6]. Сам же Катков призывал последовать примеру Британии в правовой сфере, прежде всего в реализации свободы слова и печати: «Должно поставить граждан в такое положение, чтобы они не скрывали того, что думают, и не говорили того, что не думают.

В Англии более, нежели где-нибудь, эти требования находят себе удовлетворение»[7].

Известный ученый-экономист и публицист В.П. Безобразов, неоднократно публиковавшийся в рассматриваемые годы на страницах «Русского вестника», благожелательно отзывался об идейно-политической терпимости, утвердившейся в Великобритании. Он, в частности, называл ее «всемирной лабораторией политических убеждений», обеспечивающей при этом «спасительную нейтральную почву» общественно-политической борьбе в стране. В результате – «революция, реакция и диктатура не мыслимы в Англии». «До этой великой политической фазы не дорос ни один континентальный народ», – приходил к выводу Безобразов[8].

Центральное место в политической системе Великобритании либеральная общественность России рубежа 1850–1860-х гг. отводила высшему представительному и законодательному органу страны – парламенту. «Русский вестник» немало страниц уделил характеристике этого органа власти, неизменно наделяя его ведущей ролью в управлении британским государством. Например, публицист журнала Г.В. Вызинский смело утверждал, что в Англии «правит парламент». В парламентаризме он видел и основную «гарантию политической свободы» вообще[9]. В свою очередь, его коллега по журналу превозносил представительный орган Великобритании за стремление «сохранить беспримерную свободу в общественном устройстве» и «не задеть какую-нибудь живую ветвь органического целого», не внести «какой-нибудь новый элемент, который впоследствии может губительно возобладать над целым»[10]. Достаточно лестных оценок со стороны публицистов журнала получила верхняя палата британского парламента – палата лордов. Она рассматривалась ими как важный и необходимый институт английской политической жизни, стабилизирующий и сдерживающий ее от резких движений: «Англии дорога палата лордов, как собрание людей, наиболее независимых в мире, независимых и от правительства, и от публики, способных противостоять и притязаниям власти, и временным увлечениям общественного мнения, имеющих полную возможность сказать без страха и гнева свободное слово и в вопросах политических, и в высших судебных делах»[11]. Вместе с тем стоит признать, что в вопросе оценки взаимодействия и взаимовлияния парламента и общественного мнения авторы журнала не были последовательными. Так, уже несколько номеров спустя публицист «Русского вестника» отмечал, что в целом «парламент представляет собою общественное мнение Англии» и, следовательно, подчиняется его требованиям[12]. Позицию журнала можно отчасти понять, если вспомнить, что на рубеже 50–60-х гг. Катков в качестве политического идеала рассматривал конституционную монархию и одновременно активно выступал за создание в Российской империи высшего представительного органа от дворянства, призванного упрочить положение и реализовать участие первого сословия в управлении страной[13]. С его точки зрения, английская палата лордов демонстрировала наиболее удачный пример практической реализации подобного проекта, что и находило отражение в публикациях журнала[14].

Одним из основных достижений Великобритании, залогом социального спокойствия, политической стабильности и экономического процветания государства Каткову представлялось широкое местное самоуправление – «основа и палладиум английского политического устройства»[15]. По его мнению, британский опыт наилучшим образом подходил и для адаптации в пореформенной России. Для того чтобы направить внимание правительства и общественности в нужное русло, на протяжении всех лет подготовки земской реформы «плюсы» самоуправления «по-английски» активно изучались и пропагандировались на страницах «Русского вестника».

К основным достоинствам местного самоуправления в Англии Катков относил принцип «соединения властей», в частности объединение административных и полицейско-судебных функций в институте мировых судей (justice of peace). Он считал, что эта особенность наилучшим образом способствовала объективности, скорости и эффективности в решении местных дел, предотвращала бюрократическую волокиту, обычную

для континентальных органов управления[16]. Положительной чертой представлялся и тот факт, что все должностные обязанности на местах исполнялись не государственными чиновниками, а самими жителями. Публицист Д.А. Капнист отмечал: «Внутри Англии не встречается почти вовсе правительственных чиновников, в континентальном смысле слова. Все должностные лица принадлежат к числу обывателей». Причем «большинство из них исправляют свою службу безвозмездно»[17]. По мнению Каткова, отсутствие платы способствовало притоку на местные должности лиц бескорыстных, независимых, с развитым чувством долга и гражданской ответственности: «Благодаря такому устройству народ находится под непосредственным управлением людей, ставящих выше всего честь свою, и не имеет дела с мелкими представителями закона, нередко превращающимися в деспотов именно потому, что они наемники»[18].

Особенно настойчиво внимание читателей акцентировалось на социально-нравственных качествах лиц, занимавших местные должности в Англии (прежде всего – должность мирового судьи). Как полагал публицист М.И. Зарудный, «существенным благом» для самоуправления являлся обычай, согласно которому мировые судьи не избирались, а назначались королевой из числа лиц, имевших не менее 100 ф. ст. годового дохода с земельной собственности[19]. По мнению же Каткова, именно это как нельзя лучше способствовало эффективности функционирования института местного самоуправления, поскольку представителей земельной аристократии отличал «наиболее удачный» для мирового судьи набор характеристик: материальная и политическая независимость, исключавшие возможность подкупа и давления свыше, образованность, широкий общественный кругозор, «утонченная вежливость» и «безукоризненная честь». Вместе с тем редактор особо подчеркивал, что мировые судьи отнюдь не бесконтрольны в своем поведении: «Контроль производится общественным мнением, потому что все действия их гласны»[20].

Строго говоря, Катков не призывал российское правительство к прямому заимствованию мирового института в тех формах, в которых он сложился в Британии. «Было бы ребячеством думать, что институт английских мировых судей может быть целиком перенесен на какую-нибудь другую страну, – писал он. – Достоинство института заключается не во внешних формах его, а в том духе, которым проникнута английская джентри (*поместное дворянство. В.Б.*)»[21]. Однако вывод прочитывался очевидный: в Российской империи ведущую роль в системе местного управления также желательно передать общественности в лице поместного дворянства.

Несмотря на огромное просветительское и общественно-политическое значение «английских» публикаций «Русского вестника», нельзя не отметить их тенденциозность. В призывах активно «внимать» британскому опыту нередко игнорировались исторические традиции, общественно-политические и экономические реалии Российской империи рассматриваемого времени. Да и политическая жизнь самой Великобритании порой безжалостно «загонялась» в идеологические рамки издания. Как вспоминал Е.М. Феоктистов, «Катков тщательно вычеркивал в статьях своих сотрудников всякие неблагоприятные отзывы об Англии из опасения, что отзывы эти могут подорвать веру и уважение к стране, внутреннее устройство коей должно служить образцом для России»[22]. Известно также, что в своих публикациях российские почитатели английских учреждений часто некритически следовали за мнением западноевропейских ученых, среди которых ведущие позиции занимали Ш. Монталамбер, А. Токвиль и Р. Гнейст. Прусский юрист и историк Рудольф Гнейст пользовался особой популярностью у публицистов журнала. Катков считал его одним из лучших знатоков общественно-политических институтов Великобритании. Работы «берлинского профессора» активно перепечатывали на страницах «Русского вестника». В то же время в самой Англии труды Гнейста не пользовались подобным авторитетом: британские юристы критиковали их за компилятивность и слабую документированность.

Советский историк Ю.С. Мелентьев полагал, что «из всех буржуазных государств именно Англия вызывала наибольшие симпатии русских либералов, многие из которых откровенно прославляли Британию как страну идеального государственного устройства»[23]. Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что подавляющее большинство представителей либерально-западнической общественности рубежа 50–60-х гг. XIX века демонстрировало идеалистический взгляд на политическую систему Великобритании и с оптимизмом оценивало возможность заимствования ее институтов. Наряду с «англоманами» из «Русского вестника» существовала значительная группа либералов-западников, которые, приветствуя отдельные политические и общественные учреждения Англии, крайне осторожно, а порой и критически относились к перспективам их заимствования Россией.

Так, неоднозначную позицию занимал Б.Н. Чичерин. Еще в 1856 г. на страницах «Русского вестника» он выступал с пропагандой британских порядков, наилучшим образом выражавших «чувство законности» и «здравый политический смысл»[24]. Однако уже пару лет спустя, подробно ознакомившись с воплощением этих лозунгов в общественно-политической жизни Англии, российский ученый выявил ряд недостатков – «общественное неравенство, владычество аристократии, печальное состояние многих отраслей управления, уродливость стародавних учреждений» – и скорректировал свою позицию в рассматриваемом вопросе[25].

Впоследствии Чичерин сохранял уважение к отдельным политическим институтам Великобритании, в частности к представительным учреждениям, но не считал возможным на данном историческом этапе более или менее полноценно воплотить британский опыт в России. В 1863 г. в письме к брату он отметил, что подобная попытка принесла бы «величайший вред» государству, в котором отсутствуют необходимые предпосылки и условия для утверждения конституционных (парламентских) порядков[26]. Интересно заметить, что и другой ярчайший представитель российского западнического либерализма пореформенных лет К.Д. Кавелин, восхищаясь «блистательным парламентским правлением» в Англии, отвергал необходимость скорейшего внедрения подобных учреждений в своем отечестве[27].

Особенно жесткую критику позиция Каткова и его сотрудников встречала в вопросах местного самоуправления. Например, профессор права и публицист Б.И. Утин, проанализировав специфику деятельности «местных органов», пришел к обоснованному выводу, что самоуправление в Англии «не есть собственно самоуправление, а управление страны весьма немногочисленным землевладельческим классом». По мнению российского либерала, «английские учреждения, для того чтобы стать общеобязательным образцом, должны еще пережить трудный и долгий период демократизации, проникнуться народным началом, а не воплощать в себе дух только господствующего класса, как бы усердно и добросовестно он ни служил стране»[28].

Публицисты журнала «Атеней», полемизируя с «Русским вестником», активно выступали против идеализации британского опыта местного самоуправления. Оно рассматривалось ими как эффективный, но часто корыстный инструмент в руках английской аристократии. «Самоуправление, как совершенная противоположность самоуправству, – вещь, неоспоримо, прекрасная, – писали авторы журнала, – но, конечно, когда оно не обращается в орудие преобладающих интересов одного известного класса в явный ущерб другим. Но именно этим чрезмерным перевесом выгод одного сословия отличалось оно во всех аристократических обществах – в Карфагене, в Венеции и, наконец, в Англии». Для исправления указанного недостатка они требовали «самых существенных перемен, прямо в ущерб аристократическому началу». В связи с этим предлагалось усилить административную роль государства[29]. Подобную точку зрения отстаивал и Б.Н. Чичерин. Аристократизм – главное «зло» всей политической системы Великобритании, местного самоуправления в частности, – представлялся как прямое следствие недостаточного

участия государства в управлении. Соответственно залог исправления данного порока и общей демократизации ученый видел в «усилении центральной власти насчет местных»[30].

В целом стоит согласиться с мнением современного российского историка С.Ю. Тороповой, что, «оценивая возможность использования британского опыта, русские либералы учитывали специфику своей страны и вели речь о применимости лишь отдельных элементов британской демократии»[31]. Однако, на наш взгляд, немаловажно и то, что в глазах значительной части либеральной общественности России рубежа 50–60-х гг. XIX века политический пример Великобритании являлся все-таки наиболее показательным среди западноевропейских государств, и именно ее опыт не раз становился авторитетным «аргументом» внутренней общественно-политической борьбы. В условиях подцензурной печати Англия выступала тем нейтральным «полигоном», на котором представители либерального течения российской общественно-политической мысли пытались моделировать и решать актуальные проблемы своей собственной страны. В подобных случаях речь шла не столько об Англии, сколько о желательном политическом устройстве для России. В перипетиях этой интеллектуальной борьбы реальное положение дел в Великобритании порой отходило на второй план.

Нам представляется, что залогом заинтересованности М.Н. Каткова и его сотрудников в изучении и пропаганде общественно-политического опыта Великобритании являлась в том числе глубоко осознанная коллективом журнала потребность пореформенной России в положительных социально-экономических и политических примерах. Следует отметить, что редактор и публицисты «Русского вестника», как и многие образованные россияне XIX века, не стыдились признавать успехи и преимущества других государств, не считали зазорным учиться у них перспективным образцам экономического, политического, социального развития, а главное – не уставали вещать об этом с единственной доступной им трибуны – трибуны печатного слова. Они прекрасно понимали, что только на этом пути можно преодолеть многовековые проблемы модернизации Российского государства.

Уже в начале XX столетия, размышляя над коллизиями общественно-политических баталий первых лет правления Александра II, в том числе над пресловутым «англоманством» редактора «Русского вестника», известный российский ученый М.М. Ковалевский сформулировал предположение, на наш взгляд, актуальное и сегодня: «Англия легко может указать нам тот путь, каким должно пойти дальнейшее развитие наших учреждений в интересах одновременного торжества свободы, гражданского равенства и прочного порядка, обеспечиваемого одним главенством права. Я имею в виду не простое заимствование, а приспособление давно испытанных английских порядков к той среде, какую представляет собой наше отечество»[32].

---

[1] Филиппова Т.А. Великобритания и Россия во второй половине XIX века: диалог политических культур (вопросы методологии) // Британия и Россия. М., 1997. С. 229.

[2] Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 110.

[3] Русский вестник. 1861. Т. 31. № 2. С. 544.

[4] Современная летопись. 1861. № 51. С. 19.

[5] См. подробнее: Русский вестник. 1856. Т. 3. Кн. 1. Отд. 8. С. 99; Там же. 1859. Т. 19. № 1–2. С. 87; Там же. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 67; Там же. Т. 22. № 7. Кн. 1. С. 59; Там же. 1860. Т. 26. № 3. Кн. 1. С. 94.

[6] Каменский Г. Эпизоды из английской жизни // Русский вестник. 1860. Т. 29. № 9. Кн. 2. С. 93.

[7] Русский вестник. 1860. Т. 28. № 8. Кн. 2. С. 451.

[8] Современная летопись. 1861. № 51. С. 19.

[9] Безобразов В.П. Аристократия и интересы дворянства // Русский вестник. 1859. Т. 23. № 9. С. 39.

[10] Вызинский Г.В. Характер политической и административной реформы в Англии // Русский вестник. 1858. Т. 14. № 4. Кн. 1. С. 337–338.

[11] Русский вестник. 1859. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 67, 77.

[12] Там же. 1860. Т. 26. № 3. Кн. 1. С. 92.

[13] Там же. Т. 28. № 8. Кн. 2. С. 451.

[14] См.: Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972. С. 118–119, 136; Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 86–88.

[15] Примечательно, что уже в 1870-е гг. М.Н. Катков полностью отказался от своей прежней позиции: «Боже нас сохрани когда-либо ввести в России представительство! Это будет истинным несчастием России, это у нас будет началом конца нашей истории...». Цит. по: Изместьева Г.П. М.Н. Катков // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 89–90.

[16] Современная летопись. 1860. № 1–2. С. 209.

[17] См.: Русский вестник. 1860. Т. 26. № 3. Кн. 1. С. 92.

[18] Капнист Д.А. Местное самоуправление в Англии // Русский вестник. 1863. Т. 48. № 11. С. 134–136.

[19] Русский вестник. 1860. Т. 26. № 3. Кн. 1. С. 93.

[20] См.: Зарудный М.И. Английские суды (Из путевых заметок) // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 8. Кн. 2. С. 605.

[21] Русский вестник. 1860. Т. 26. № 3. Кн. 2. С. 209–212.

[22] Современная летопись. 1860. № 1–2. С. 210.

[23] Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 109.

[24] Мелентьев Ю.С. Революционная мысль России и Запад (Русские революционеры-демократы о капитализме и буржуазной демократии). М., 1966. С. 149.

[25] Чичерин Б.Н. О политической будущности Англии // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 10. Кн. 2. С. 673–674.

[26] Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. XIII.

[27] См.: ОР РГБ. Ф. 334. К. 3. Д. 1.

[28] См.: Кавелин К.Д. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. СПб., 1898. С. 157–158, 894.

[29] Утин Б.И. Государственный быт Англии // Отечественные записки. 1862. Т. 143. № 7–8. Отд. 1. С. 431–432.

[30] Атеней. 1858. № 35. С. 562; Там же. № 33. С. 435.

[31] См.: Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. С. XIII, 24.

[32] Цит. по: Агеева О.Г., Шамин С.М. Россия и внешний мир: из истории взаимовосприятия. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 188.

[33] Ковалевский М.М. Начало русско-английского сближения // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 264.